

Неудавшійся церковный округъ

I.

1. Въ первоначальную эпоху христіанство было по преимуществу городскимъ явленіемъ. Церковные центры существовали почти исключительно по городамъ. Утвердившись въ городахъ, христіанство стало постепенно переходить въ пригороды, окрестныя села, и, наконецъ, вглубь страны. Мы не въ состояніи точно опредѣлить время появленія церковныхъ центровъ въ сельской мѣстности, т. к. оно варьировалось въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, но мы можемъ считать доказаннымъ, что въ срединѣ II-го вѣка уже существовали сельскія церкви. Мнѣ нѣтъ необходимости производить какое-либо специальное изслѣдованіе по этому вопросу⁽¹⁾. Я ограничусь только однимъ указаніемъ, а именно: христіанизация сельской мѣстности въ широкомъ масштабѣ началась раньше на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ. Если не считать окрестностей Рима, южной Италіи, провинці Нарбонны и отчасти Средиземноморскаго побережья, возникновеніе сельскихъ церквей на Западѣ относится лишь къ IV-му и V-му вѣкамъ.

2. Фактъ распространенія христіанства въ сельской мѣстности ставить передъ нами вопросъ о томъ, какова была организациа церковной жизни въ этой мѣстности. Въ послѣднее время все больше и больше утверждается въ богословской наукѣ мнѣніе о соотвѣтствіи организации городскихъ и сельскихъ церковныхъ центровъ. Однако, это соотвѣтствіе признается весьма ограниченнымъ, а главное непринципальнымъ въ томъ смыслѣ, что оно могло быть и могло не быть. Это соотвѣтствіе, главнымъ образомъ, устанавливается на основаніи термина «хорепископъ», существованіе котораго можно установить только съ начала IV-го вѣка. Съ этимъ терминомъ происходитъ своего рода спекуляція, которая имѣетъ цѣлью показать, что сельскіе церковные центры съ самаго начала были нѣкоторымъ слабымъ подобіемъ городскихъ, а самъ сельскій епископъ былъ только лишь по имени епископомъ. Если это вѣрно самое раннее для середины или конца IV-го вѣка, то это совершенно произвольно для II-го или III-го вѣковъ. Соотвѣтствіе городскихъ и сельскихъ центровъ въ теченіи этихъ вѣковъ является не исторической случайностью, а вытекаетъ изъ самой природы Церкви. Если говорить объ исторической случайности, то таковою является не первоначальное соотвѣтствіе организации сельскихъ и городскихъ церквей, а отклоненіе отъ этого соотвѣтствія, которое постепенно наступаетъ въ исторіи и которое сопровождается нарушеніемъ основныхъ принциповъ древней евхаристической еклезіологіи. Поэтому

вопросъ о соотвѣтствіи городскихъ и сельскихъ церквей долженъ быть пересмотрѣнъ въ свѣтѣ евхаристическаго ученія о Церкви. Разсматривая его въ этомъ аспектѣ, мы будемъ въ состояніи намѣтить основные принципы организациі церковной жизни въ сельской мѣстности и объяснить историческую судьбу сельскихъ церквей.

3. Границы мѣстной церкви опредѣлялись первоначально границами Евхаристическаго собранія. Это положеніе, непосредственно вытекающее изъ принциповъ евхаристической еклезиологіи, всецѣло опредѣлило первоначальную структуру церковной жизни. Проповѣдуя по странамъ и городамъ, апостолы, по выраженію Климента Римскаго, основывали церкви, рукополагая въ епископы и діаконы начатки вѣрующихъ (2). Въ городахъ къ церквамъ принадлежали тѣ, кто вмѣстѣ собирались на Евхаристическое собраніе. У насъ нѣтъ никакихъ основаній считать, что въ первоначальную эпоху въ городской церкви было не одно, а нѣсколько собраній. При незначительномъ количествѣ вѣрующихъ, даже въ очень крупныхъ центрахъ, какъ Антиохія, Коринфъ, Римъ и др., не было никакой потребности въ устройствѣ нѣсколькихъ мѣстъ для собраній. Если бы въ одномъ городѣ существовало одновременно нѣсколько Евхаристическихъ собраній, то это нарушало бы единство мѣстной церкви и въ ней оказалась бы не одна, а нѣсколько мѣстныхъ церквей, т. е. согласно евхаристическому ученію о Церкви количество мѣстныхъ церквей зависѣло отъ количества Евхаристическихъ собраній. Поэтому, вопреки распространенному мнѣнію, единство Евхаристическаго собранія не было слѣдствіемъ установившагося единства епископата, а наоборотъ, единство Евхаристическаго Собранія съ самаго начала существованія мѣстныхъ церквей предопредѣлило единство епископата. Гдѣ имѣется Евхаристическое собраніе, тамъ долженъ быть и епископъ, какъ его предстоятель, а потому, если имѣется нѣсколько собраній, то должно быть и нѣсколько епископовъ, и наоборотъ, если имѣется нѣсколько епископовъ, то каждый долженъ возглавлять отдѣльное Евхаристическое собраніе.

Когда христіанство стало проникать изъ города въ пригороды и ближайшія къ нему селенія, предѣлы мѣстной церкви расширились. Если количество христіанъ въ этихъ мѣстахъ было незначительно, то они входили въ составъ епископскаго городского Евхаристическаго собранія. Первые положительныя указанія на такую организацию мы находимъ у Иустина Мученика. «Въ такъ называемый день солнца бываетъ у насъ собраніе въ одно мѣсто (*ἐπὶ τὸ αὐτό*) всѣхъ живущихъ по городамъ или селамъ (*κατὰ πόλεις ἢ ἀγρούς*)³). Въ срединѣ II-го вѣка христіане были не только въ самомъ Римѣ, но и въ его пригородахъ и окрестныхъ селахъ. Городскіе жители и жители пригородныхъ мѣстъ составляли одно цѣлое, входя въ составъ городской церкви. Эта организациія церковной жизни пригородныхъ мѣстъ была временной и переходной. Она была возможна при условіи, что пригородныя мѣста не далеко находились отъ города, что количество христіанъ въ нихъ было незначительно и что сама городская церковь сохраняла единство Евхаристическаго собранія. Въ зависимости отъ этихъ условій пригородныя мѣста въ дальнѣйшемъ историческомъ процессѣ должны были или отдѣлиться отъ городской церкви, образовавъ самостоятельную цер-

ковь, или оставаясь въ ней, образовать вспомогательный богослужебный центръ, находящійся подъ властью епископа подобно городскимъ вспомогательнымъ центрамъ.

4. Гражданское административное устройство Римской имперіи отличалось не только разнообразіемъ, но и неустойчивостью. Римская власть не стремилась нивелировать гражданское устройство, но сохраняла почти всѣ особенности гражданской жизни завоеванныхъ странъ, если они не препятствовали общей государственной политикѣ. Наибольшей устойчивостью и опредѣленностью отличалось городское устройство, особенно въ эллинизированныхъ странахъ. Городъ (*πόλις*, *civitas*) включалъ въ себя не только городъ въ нашемъ смыслѣ, но и прилегающую къ нему мѣстность, въ которой имѣлись мѣстечки, села, деревни, поселки, помѣстья и отдѣльныя фермы. Если гражданско-административное устройство самихъ городовъ намъ достаточно извѣстно, то къ сожалѣнію этого мы не можемъ сказать относительно устройства прилежащей къ городу мѣстности. Эта мѣстность въ странахъ греческаго языка носила, повидимому, наименование «*διοίκησις*» или «*χώρα*», а въ странахъ латинскаго языка «*pagus*». хотя, вѣроятно, употреблялся и терминъ «*diocesis*». Съ реформой Диоклеціана наименование «*διοίκησις*» отпало, а осталось второе «*χώρα*». Въ административномъ отношеніи она всецѣло зависѣла отъ города и была какъ бы продолженіемъ его территоріи. Наибольше крупными единицами этой мѣстности были «*κῆμαι*», которымъ соотвѣтствовали на Западѣ «*vici*». По своему характеру отдѣльныя «*κῆμαι*» скорѣе приближались къ нашимъ мѣстечкамъ, чѣмъ къ селамъ. Довольно часто случалось, что значеніе нѣкоторыхъ «*κῆμαι*» настолько возрастало, что они становились городами, или наоборотъ, нѣкоторые города низводились на рангъ «*κῆμαι*». На ряду съ «*κῆμαι*», въ странѣ имѣлись селенія и поселки въ связи съ помѣстьями или отдѣльно отъ нихъ. На Западѣ помѣстье (*villa*) было экономической единицей, вокругъ котораго группировались свободные землевладѣльцы. Власть помѣщика (*dominus*, *possessor*) распространялась не только на его помѣстье, но и на рядъ поселеній, т. к. онъ былъ отвѣтствененъ передъ государствомъ въ фискальномъ отношеніи. Обычно такихъ помѣстій было нѣсколько, такъ что весь «*pagus*» раздѣлялся между ними. Повидимому, болѣе или менѣе та же система существовала или, по крайней мѣрѣ, проводилась римской властью и на Востокѣ въ цѣляхъ его аграрной политики, направленной на то, чтобы «*ager*» не пустовалъ. Какъ «*κῆμη*», остальная «*χώρα*», повидимому, въ большинствѣ провинцій имѣла нѣкоторую внутреннюю автономію. Во всякомъ случаѣ внутренняя автономія, какъ всей страны («*χώρα*» въ широкомъ смыслѣ), такъ и «*κῆμη*» была незначительной. Она не нарушала непосредственной и тѣсной связи всей страны и всѣхъ имѣющихся въ ней поселеній съ городомъ. Управление страной, а также судебная власть, сосредотачивалась въ городѣ. Вся сельская мѣстность («*χώρα*») до такой степени зависѣла отъ городского центра, что всѣ ея свободные жители считались гражданами города. Это ея единство не нарушалось тѣмъ, что тѣ или иныя поселенія пользовались нѣкоторой самостоятельностью, какъ не нару-

шалось единство самого города (въ тѣсномъ смыслѣ) тѣмъ, что его разныя части могли пользоваться полусамостоятельностью.

5. Первые сельскія церкви должны были появиться въ «*κῆμαι*». Жители сельской мѣстности, находящейся сравнительно далеко отъ городскаго центра, во всякомъ случаѣ на такомъ разстояніи, когда участіе въ Евхаристическомъ городскомъ собраніи было для нихъ практически затруднительно, съ самаго начала оказались въ иномъ положеніи, чѣмъ жители пригородныхъ мѣстъ. Единственнымъ выходомъ для нихъ было образование самостоятельнаго Евхаристическаго собранія. Какъ незначительно могло быть число членовъ отдѣльной церкви, указываетъ одинъ изъ древнихъ памятниковъ, такъ изв. «Церковные каноны», изъ котораго слѣдуетъ, что количество взрослыхъ членовъ церкви, способныхъ принять участіе въ выборѣ епископа, могло не превышать даже 12-ти человѣкъ. Намъ извѣстно, что въ началѣ епископства Григорія Чудотворца (III-й вѣкъ) въ Кесаріи (въ Понтѣ) количество членовъ его церкви не превышало 17-ти человѣкъ. Даже въ «Апостольскихъ постановленіяхъ», т. е. въ памятникѣ, окончательная редакція котораго относится къ самому концу IV-го вѣка или къ началу V-го, предвидѣнъ случай, что среди кандидатовъ въ епископы не найдется ни одного, который бы имѣлъ предписанный составителемъ «Ап. постановленій» возрастъ въ 50 лѣтъ. Еще въ V-мъ вѣкѣ въ Сиріи даже городскія церкви оставались очень немногочисленными. Образованію церквей въ «*κῆμαι*» могло способствовать еще то обстоятельство, что у жителей «*κῆμαι*», если въ нихъ былъ свой языческій храмъ и свои жрецы, была привычка на мѣстѣ удовлетворять свои религіозныя нужды.

Что касается другихъ поселеній, то врядъ ли въ нихъ сразу могли появляться церкви. Когда во второй половинѣ II-го вѣка началась на Востокѣ болѣе или менѣе усиленная христіанизация сельскихъ мѣстностей, то образование церквей въ маленькихъ населенныхъ сельскихъ центрахъ, особенно, если они были связаны съ помѣстьями, владѣлецъ которыхъ былъ язычникомъ, было опасно. Вѣроятно, первыя церкви въ нихъ стали образовываться въ промежуткѣ между гоненіями Валеріана и Діоклеціана, когда установился сравнительно продолжительный и ничѣмъ не нарушаемый миръ.

Резюмируя все сказанное, мы въ состояніи слѣдующимъ образомъ опредѣлить организацию церковной жизни въ сельской мѣстности, примыкающей къ городу и административно въ гражданскомъ отношеніи отъ него зависящей: въ пригородахъ, мѣстечкахъ, селахъ и поселеніяхъ, начиная со II-го вѣка на Востокѣ, а отчасти и на Западѣ, образуются отдѣльныя церкви. Количество этихъ церквей все время растетъ вплоть до Константиновской эпохи и въ самомъ ея началѣ. Остальные христіане, прооживающіе въ этой мѣстности, либо въ пригородахъ, либо въ небольшихъ поселкахъ, болѣе или менѣе изолированно, распределяются между городскою и сельскими церквами.

6. Отвѣтъ относительно организациі церковной жизни въ сельской мѣстности, зависящей отъ города, въ значительной степени предопредѣляетъ отвѣтъ на вопросъ относительно организациі самой сельской церкви. Какъ и городская церковь, она возглавлялась епископомъ,

т. к. безъ епископа не могло существовать Евхаристическое собраніе. Если имѣлась церковь, то имѣлся и епископъ, и наоборотъ. Поэтому существованіе епископа является свидѣтельствомъ существованія церкви. Наиболѣе раннее свидѣтельство о сельскомъ епископѣ мы находимъ у Евсевія, который упоминаетъ, въ связи съ монтанистическими спорами, о Зотикѣ, епископѣ мѣстечка Комана во Фригии (вторая половина II-го вѣка) (4). Мы знаемъ, что въ концѣ II-го вѣка *pagus* Аппія, повидимому, имѣлъ своего епископа Трофима, а нѣсколько раньше, при имп. Антонинѣ (138-161) мы находимъ упоминаніе объ епископѣ «*vicus* *Vaccanensis*» (5). Въ посланіи Антиохійскаго собора по дѣлу Павла Самосатскаго (269) говорится объ епископахъ «*τῶν ἐμὸρων ἀγρῶν*». (6). Кромѣ прямыхъ свѣдѣній, которыя не очень многочисленны, мы имѣемъ рядъ косвенныхъ указаній относительно сельскихъ епископовъ. Число епископовъ, участвующихъ на наиболѣе древнихъ соборахъ, является безспорнымъ свидѣтельствомъ того, что среди нихъ были не только городскіе, но и сельскіе епископы. Изъ посланій Кипріана мы знаемъ, что въ началѣ III-го вѣка въ Карфагенѣ былъ соборъ при Агриппинѣ изъ многихъ епископовъ (7) (Августинъ прямо называетъ цифру 70) (8) и другой соборъ изъ 90 епископовъ (9). Если мы даже къ Проконсульской Африкѣ присоединимъ Нумидію, то мы все таки не найдемъ въ этихъ провинціяхъ столько городовъ. Въ 251 году при папѣ Корнеліи въ Римѣ по дѣлу Новаціана состоялся соборъ, на которомъ присутствовало 60 епископовъ (10). Опять же мы не считаемъ столько городовъ въ средней и южной Италіи. Въ серединѣ III-го вѣка христіанство прочно утвердилось въ мѣстечкахъ и селахъ, въ которыхъ имѣлись отдѣльныя церкви, возглавляемыя епископами.

II.

1. Сельскій епископъ былъ такимъ же епископомъ, какъ и городской, и ничѣмъ отъ послѣдняго не отличался, т. к. его церковь была такой же церковью, какъ и городская. Для II-го и III-го вѣка Евхаристическое собраніе, возглавляемое епископомъ выявляло въ полнотѣ Церковь Божию во Христѣ. Сельская церковь, имѣющая епископа, была независимой и самостоятельной, какъ и любая городская церковь. Она была самостоятельной, т. к. имѣла все въ себѣ, что ей было необходимо. Она была независимой, т. к. въ это время не существовало еще власти, отъ которой зависѣла бы эта церковь. Каждая мѣстная церковь, гдѣ бы она ни была, будь то въ самомъ глухомъ углу Римской имперіи, была кафолической Церковью, которая всегда остается тождественной самой себѣ. Абсолютная тождественность мѣстныхъ церквей, независимо отъ того, гдѣ онѣ пребываютъ, обуславливаетъ ихъ абсолютную идеальную равноцѣнность.

Попытка неизвесті сельскаго епископа на болѣе низкое положеніе крайне неудачна, т. к. древняя церковь знала только одно служеніе епископа безъ какихъ либо ранговъ въ немъ. Предстоятельству Евхаристическому собранію, онъ возглавлялъ свою церковь, какъ и городской епископъ. Онъ имѣлъ у себя пресвитеріумъ, число членовъ котораго колебалось въ зависимости отъ численнаго состава самой церкви,

онъ имѣлъ въ качествѣ своихъ непосредственныхъ помощниковъ въ литургической и благотворительной дѣятельности діаконовъ, его положеніе среди членовъ его церкви было такое же, какъ и положеніе городского епископа. Какъ и послѣдній, онъ принималъ участіе въ соборахъ долгое время въ качествѣ ихъ равноправнаго члена.

При всемъ этомъ въ іерархіи мѣстныхъ церквей сельская церковь съ самаго начала стояла ниже городской. Равноцѣнность мѣстныхъ церквей, основанная на полной ихъ тождественности, не означала ихъ эмпирическаго равенства. Церковь Божія во Христѣ равна самой себѣ, т. к. она является единственной, но мѣстныя церкви не являются равными между собою. Съ самаго начала устанавливается между ними извѣстное неравенство, основанное на томъ, что одна церковь имѣетъ болѣе авторитетъ, чѣмъ другая. Это фактическое неравенство было вызвано отчасти древностью происхожденія церквей, политическимъ значеніемъ города, гдѣ церковь пребывала, численнымъ ея составомъ, а также личнымъ авторитетомъ епископовъ, ихъ возглавляющихъ. Апостолы проповѣдывали по болѣе значительнымъ городамъ Римской имперіи, а потому церкви этихъ городовъ по преимуществу были хранительницами сокровищницы вѣры и апостольскаго преданія и пользовались наибольшимъ авторитетомъ въ средѣ остальныхъ церквей. Въ силу этого очень скоро создалась своего рода іерархія мѣстныхъ церквей. До кристаллизаціи митрополичьяго, а затѣмъ патріаршаго управленія, эта іерархія не имѣла устойчиваго характера: въ ней легко могли происходить перемѣны, но она несомнѣнно существовала. Она была факторомъ огромнаго значенія, даже не столько сама по себѣ, сколько въ силу самой идеи іерархичности.

Въ подавляющемъ большинствѣ городская церковь была матерью-церковью, откуда сельскія церкви получили христіанство. Какъ церковь-дочь, сельская церковь была духовно слабѣе, а какъ пребывающая въ незначительномъ мѣстѣ, она была и матеріально слабѣе. Поэтому она постоянно нуждалась въ помощи городской церкви. Въ обычныхъ случаяхъ и въ случаяхъ экстренной нужды она обращалась къ рецепціи своей городской церкви, особенно при поставленіи епископовъ. Въ принципѣ сельская церковь могла обратиться къ другой сельской церкви, и, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это имѣло мѣсто на практикѣ, хотя такая рецепція мало что могла дать въ виду крайне невысокаго іерархическаго положенія сельскихъ церквей. Она могла обратиться и къ другой городской церкви, если эта послѣдняя пользовалась болѣе авторитетомъ, но обращеніе къ своей городской церкви, какъ матери-церкви, было болѣе обычно. Рецепція городской церкви была рѣшающей для сельской церкви, но она не имѣла принудительно-правового характера, а потому первоначально не означала власти городской церкви надъ сельской. Обращеніе сельской церкви за рецепціей или вообще за помощью было выраженіемъ любви, которая объединяла всѣ церкви. Городская церковь протягивала руку братской помощи во имя той же братской любви, не разсматривая эту помощь, какъ средство подчиненія. Съ самаго начала между городской и рядомъ сельскихъ церквей должны были образоваться очень тѣсныя связи, основанныя на взаимной любви и помощи. Первоначальное болѣе

низкое положеніе сельской церкви въ іерархической лѣстницѣ церковей имѣло лишь тотъ результатъ, что она, какъ наиболѣе слабая, была предметомъ юсобой любви и заботы.

2. Въ изслѣдованіяхъ объ образованіи церковныхъ округовъ огромное значеніе придается факту соответствія гражданскаго и церковнаго дѣленія въ Римской имперіи. Большинство изслѣдователей склоняются къ признанію того, что самъ принципъ дѣленія церкви на округа былъ заимствованъ изъ эмпирической жизни. Несомнѣнно, что эмпирическіе факторы, въ томъ числѣ гражданско-административное дѣленіе Римской имперіи, вліяли на юобразование церковныхъ объединеній, но одними ими нельзя объяснить появленіе церковныхъ округовъ. Ошибка, съ которой мы встрѣчаемся часто въ научныхъ изслѣдованіяхъ, заключается въ томъ, что эмпирическимъ факторамъ придается недолжное значеніе, забывая о томъ, что Церковь имѣетъ свои собственные внутренніе законы, независимые отъ эмпирическаго бытія. Церковное устройство развивается извнутри самой Церкви, а эмпирическіе факторы привходятъ сюда, какъ дополнительный моментъ вторичнаго порядка. Если эти послѣдніе приобрѣтаютъ первичное значеніе, то это всегда происходитъ за счетъ искаженія церковной природы. Въ частности такова роль одного изъ самыхъ значительныхъ эмпирическихъ факторовъ — государственнаго устройства. Описанная выше первоначальная организациа церковной жизни въ сельской мѣстности создавалась вполне самостоятельно, не только слѣдуя гражданскому устройству, но даже вопреки ему. Городъ съ прилегающей къ нему сельской мѣстностью представлялъ изъ себя единую административную единицу. Несмотря на это сельскія церкви первоначально были вполне самостоятельными, хотя мѣста, гдѣ они имѣлись, въ гражданскомъ отношеніи не пользовались никакой самостоятельностью. Что касается церковныхъ округовъ, то несомнѣнно гражданско-административное раздѣленіе Римской имперіи вліяло на ихъ образованіе, но тѣмъ не менѣе, однимъ этимъ вліяніемъ нельзя объяснить появленіе церковныхъ округовъ. Если бы принципъ объединенія не содержался въ самой Церкви, то никакіе эмпирическіе факторы не были бы въ состояніи его создать.

Будучи самостоятельной и независимой, мѣстная церковь не являлась замкнутой въ себѣ самой. Каждая церковь была связана съ другими церквами: она жила не только своей жизнью, но и общей жизнью. Она выходила изъ самой себя въ стремленіи слиться съ другими церквами, не отказываясь отъ своей самостоятельности и не нарушая независимости другихъ церковей. Любовь есть основной принципъ жизни Церкви, ибо Богъ есть любовь. Это есть любовь членовъ Церкви къ Тѣлу Христову и къ самому Христу въ отвѣтъ на Его любовь къ нему. Мѣстная церковь для Игнатія была «ἀγάπη — любовь». Она есть любовь, т. к. внутри ея всѣ соединены въ любви ко Христу и къ другъ другу. Она есть любовь, потому что каждая мѣстная церковь для другой является предметомъ любви. Церковь не можетъ не любить другой церкви и не быть предметомъ любви для другихъ церковей, т. к. иначе она должна была бы отказаться отъ любви ко Христу. Черезъ эту любовь преодолевается замкнутость отдѣльныхъ мѣстныхъ церковей, т. к. любовь по своей природѣ стремится выйти изъ опредѣленныхъ

рамокъ. Будучи кафолической церковью, каждая мѣстная церковь ищетъ слянія съ другими церквами, какъ бы онѣ ни были многочисленны. Чѣмъ больше множественность церквей, тѣмъ больше предметовъ любви для каждой мѣстной церкви и тѣмъ больше церквей, для которыхъ эта церковь является предметомъ любви. Связи любви, преодолевая замкнутость мѣстной церкви, въ то же время преодолеваютъ ихъ эмпирическую множественность. Въ эмпирической дѣйствительности множественность мѣстныхъ церквей выступаетъ въ ихъ единствѣ, а не въ раздробленности. Болотовъ, указывая на то, что каждая церковь въ древній періодъ являлась законченнымъ цѣлымъ, подчеркивалъ не только идеальное, но и эмпирическое единство всѣхъ отдѣльныхъ церквей (11). Если допустить, что это утверждение правильно, хотя въ дѣйствительности это не совсѣмъ такъ, то это была особая федерація, въ которой цѣлое не было больше любой составной его части, и каждая часть содержала все, что имѣло цѣлое. Какъ цѣлое, такъ и отдѣльная его часть, была одной и той же кафолической Церковью.

Любовное единство мѣстныхъ церквей было въ то же время и ихъ любовнымъ согласіемъ. Это согласіе осуществлялось не только въ силу любви, которая ихъ соединяла, но обуславливалась тѣмъ, что въ силу тождественности природы всѣхъ церквей все, что совершалось въ одной церкви, совершалось во всѣхъ остальныхъ, т. к. все совершалось въ кафолической Церкви. Эмпирическіе факторы вліяли только на проявленіе принципа объединенія, заключающагося въ самой кафолической природѣ Церкви. По мѣрѣ проникновенія права въ церковную жизнь, вліяніе эмпирическихъ факторовъ все больше и больше усиливается и достигаетъ своего апогея, когда любовь, какъ первоначальный принципъ объединенія, замѣняется правомъ.

Первоначальныя объединенія церквей появляются на основѣ рецепціи, а не изъ подражанія административному или историческо-этнографическому дѣленію Римской имперіи. Тѣмъ не менѣе, это дѣленіе было той широкой дорогой, по которой легче всего шла рецепція, отклоняясь отъ нея, когда этого требовали церковныя обстоятельства. На основѣ іерархіи церквей и церковной рецепціи въ любовномъ объединеніи множества церквей стали появляться болѣе или менѣе широкія объединенія отдѣльныхъ группъ церквей. Наиболѣе раннее и прочное вліяніе римскаго государственнаго дѣленія, какъ эмпирическаго фактора, сказалось на объединеніи городской церкви съ сельскими церквами. Объединеніе городскихъ церквей около руководящей церкви въ до-Константиновскій періодъ было неустойчивымъ, и границы его постоянно мѣнялись. Главный городъ провинціи не всегда могъ быть центромъ такого объединенія, т. к. не всегда соответствовалъ своему положенію, а искусственно создавался римской властью. Объединеніе вокругъ городского епископа сельскихъ церквей, которое мы для краткости будемъ обозначать, какъ городское объединеніе, было наиболѣе устойчивымъ и точно опредѣленнымъ въ своихъ границахъ. Границы провинцій могли мѣняться, но границы «*пóλις*» или «*civitas*» оставались въ огромномъ большинствѣ неизмѣнными. Связи между городомъ и прилегающей къ нему мѣстностью въ гражданскомъ отношеніи были гораздо болѣе прочными и твердыми, чѣмъ связи городовъ съ митро-

полей. Сельскій житель съ самаго начала существованія «*πόλις*» привыкъ обращаться въ свой городъ, и обращаться ему приходилось больше и чаще, чѣмъ жителю города въ столицу провинціи, съ которой онъ былъ мало, иногда даже совсѣмъ не связанъ. Даже судебныя дѣла рѣшались не въ митрополіи, а на мѣстахъ, куда прїѣзжалъ намѣстникъ провинціи. Въ церковномъ отношеніи городскія церкви, хотя стояли на разныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, меньше отличались между собою, чѣмъ сельскія церкви отъ городской. Рецепція церковныхъ актовъ сельскихъ церквей шла по широкой дорогѣ, ведущей отъ нихъ въ городскую церковь. Такъ эмпирической факторъ гражданскаго дѣленія Римскаго государства, будучи безсильнымъ преодолѣть церковныя причины и воспрепятствовать появленію мѣстныхъ сельскихъ церквей въ предѣлахъ городского гражданскаго округа, дѣйствовалъ тѣмъ не менѣе въ направленіи консолидированія объединенія городской церкви со всѣми церквами, находящимися въ его предѣлахъ. Объединеніе сельскихъ церквей почти съ самаго начала имѣло всѣ данныя превратиться на основѣ права въ церковный округъ. Это произошло, когда рецепція городского епископа стала принудительно обязательной для сельскихъ церквей. Черезъ этотъ принудительно-правовой характеръ рецепціи сельскія церкви правовымъ образомъ связываются съ городскимъ епископомъ. Объединеніе сельскихъ церквей становится церковнымъ округомъ, во главѣ котораго стоитъ городской епископъ. Этотъ округъ былъ первымъ въ исторіи образованія церковныхъ округовъ, который легъ въ основу всѣхъ остальныхъ болѣе крупныхъ округовъ и по образцу котораго до извѣстной степени создавались другіе округа. Но, какъ часто случается въ исторіи, то, что было началомъ, не удерживается въ дальнѣйшемъ историческомъ процессѣ. Родивъ другіе округа, городской округъ самъ погибъ.

3. Во второй половинѣ III-го вѣка, послѣ гоненія Валеріана, наступаетъ для Церкви продолжительный миръ. Онъ былъ болѣе, чѣмъ необходимъ для нея послѣ двухъ страшныхъ и систематическихъ гоненій. Надо было оправиться послѣ тяжкихъ потрясеній, которыя нанесло гоненіе, надо было залечить глубокія раны и наладить разстроенную во многихъ мѣстахъ церковную жизнь. Вздохнувъ свободно, Церковь не только восполнила свои потери, но численно увеличилась. Мѣстныя церкви окрѣпли, а руководящія церкви въ церковныхъ объединеніяхъ усилились и укрѣпили свое вліяніе и свое значеніе. Особенно усилилось значеніе епископовъ главныхъ городовъ Римской имперіи, т. к. гоненіе подчеркнуло значеніе этихъ церквей для существованія христіанства. Онѣ оказались оплотомъ въ борьбѣ христіанства съ языческимъ міромъ и римской властью, которая недаромъ противъ нихъ направляла всѣ свои усилія въ борьбѣ съ христіанствомъ. Болѣе незначительныя церкви почувствовали свою слабость и осознали свою зависимость отъ нихъ.

Въ то же самое время эта эпоха была началомъ крупныхъ измѣненій внутри самихъ церквей. Во время гоненій и подъ ихъ вліяніемъ получаетъ разрѣшеніе трудная проблема, которая стояла передъ церковнымъ сознаніемъ въ связи съ численнымъ разрастаніемъ городской церкви. Это рѣшеніе идетъ въ направленіи къ раздѣленію единого Ев-

характеристическаго собранія на нѣсколько собраній, изъ которыхъ только одно остается подъ предстоятельствомъ епископа, а остальные происходятъ подъ предстоятельствомъ пресвитеровъ, назначаемыхъ епископомъ. Въ Римѣ, во второй половинѣ III-го вѣка, это почти завершившійся фактъ. Пресвитеры титуловъ возглавляютъ въ своихъ титулахъ Евхаристическое собраніе, которое сохраняетъ свое единство съ главнымъ епископскимъ собраніемъ черезъ ферментъ, посылаемый епископомъ. Какъ ни важна практика фермента для ученія о Церкви, она сама по себѣ, особенно въ указанной формѣ, не мѣняетъ одного изъ значительныхъ фактовъ, происшедшихъ въ исторіи церкви: пресвитеръ получаетъ возможность самостоятельно, въ той или иной формѣ, совершать Евхаристию. Въ богословской наукѣ этотъ фактъ не достаточно отмѣчается, а потому его послѣдствія остаются большею частью невыясненными. Если въ одной церкви на ряду съ епископскимъ собраніемъ появляется нѣсколько вспомогательныхъ собраній, то это означаетъ, что власть епископа не простирается уже изъ Евхаристическаго собранія, на которомъ онъ предостоятельствуеъ, но что само Евхаристическое собраніе находится подъ его властью. Это имѣетъ слѣдствіемъ то, что границы мѣстной церкви больше уже не опредѣляются границами Евхаристическаго собранія, а границами епископской власти. Если въ предѣлахъ городской церкви епископу оказались подчиненными нѣсколько Евхаристическихъ собраній, то ему могутъ быть подчинены и Евхаристическія собранія внѣ предѣловъ его церкви. Расширеніе границъ Евхаристическаго собранія, которое въ евхаристической эклезіологіи опредѣляло границы церкви, имѣетъ всегда нѣкоторый предѣлъ, дальше котораго оно не могло итти безъ угрозы нарушенія единства самого собранія. Расширеніе границъ власти епископа, если ей не полагается предѣлъ, имѣетъ тенденцію замкнуть даже всю эмпирическую церковь.

Описывая время послѣ гоненія Валеріана, Евсевій писалъ: «Отъ излишней свободы теченіе нашихъ дѣлъ превратилось въ медленное и вялое; мы начали другъ другу завидовать, другъ съ другомъ ссориться и при случаѣ поражать одинъ другаго стрѣлами слова едва-ли не также, какъ оружіемъ; власть стала нападать на власть, народъ возмущаться противъ народа; постыдное лицемеріе и притворство достигли высшей степени зла... Мнимые наши пастыри, поправъ законъ благочестія, воспламенялись взаимными распрями, умножили одно — раздоры и угрозы, ревность, вражду другъ къ другу и ненависть и сильно добивались первенства, будто какой-нибудь неограниченной власти» (12). Евсевій слишкомъ осторожный историкъ, чтобы позволить себѣ безъ основанія написать эти горькія строки. Можно пожалѣть, что онъ открыто не указалъ, что и кого именно онъ имѣлъ въ виду. Обычно считается, что эти обличительныя слова Евсевія относятся къ борьбѣ городскихъ епископовъ между собою за власть, связанную съ первенствомъ, т. е. за будущее митрополичье положеніе. Вѣроятно, это правильно, но преувеличивать этого не слѣдуетъ, т. к. начало настоящихъ митрополичьихъ округовъ относится только къ эпохѣ Никейскаго собора. Мы знаемъ, какъ сравнительно робко Никейскій соборъ вступалъ на эту дорожку и какъ осторожно онъ предоставлялъ первымъ митро-

политамъ преимущества власти. Несомнѣнно, что борьба въ описываемую Евсеіемъ эпоху шла между городскими епископами, но она шла въ большей степени между городскими и сельскими епископами. Евсеій обличалъ епископовъ за то, что предметомъ ихъ страстныхъ вожделеній было стремленіе пріобрѣсть почти что неограниченную власть (*τιραννίς*). Если отбросить епископовъ Рима и Александріи, то никто изъ будущихъ митрополитовъ не только не стремился, но даже не могъ мечтать во второй половинѣ III-го вѣка о такой власти. Первенство городскихъ епископовъ въ средѣ сельскихъ епископовъ было совершившимся фактомъ, и именно имъ, а не кому другому, можно было уже вступить на путь власти надъ епископами, находящимися на сельской территоріи города. Борьба городскихъ епископовъ между собою была трудной, тогда какъ во второй группѣ — городского и сельскихъ епископовъ — партнеры были слишкомъ неравными, такъ что исходъ борьбы былъ predeterminedъ съ самаго начала и результаты ея сказались почти непосредственно. Сельскіе епископы были въ огромномъ большинствѣ простыми и необразованными людьми и не могли сравняться ни въ какихъ отношеніяхъ съ ихъ коллегами городскими епископами. Среди всѣхъ епископовъ только они не могли претендовать на какую-либо власть надъ другими епископами. Они могли лишь стремиться обезпечить себѣ равное положеніе съ остальными епископами. Впрочемъ, въ эту эпоху возникаетъ специальный терминъ для обозначенія сельскихъ епископовъ — «*χωρεπίσκοπος*». Впервые этотъ терминъ встрѣчается въ правилахъ Анкирскаго и Неокесарійскаго собора. Соборы употребляли его, какъ извѣстное и вполне опредѣленное наименованіе, а это возможно только въ томъ случаѣ, если онъ возникъ за нѣкоторое время до указанныхъ соборовъ. Хорепископы — негородскіе епископы въ противоположность всѣмъ остальнымъ, которые были городскими епископами. Возможно, что съ самаго начала этотъ терминъ могъ принять нѣкоторый pejоративный смыслъ: хорепископъ — деревенскій епископъ, какъ простой и необразованный епископъ, хотя этого смысла самъ по себѣ терминъ не заключалъ. Эмпирическіе факторы въ высшей степени способствовали расширенію власти городского епископа надъ сельскими церквями. Если городскому епископу, какъ мы уже видѣли, оказались подчиненными другія собранія, въ которыхъ пресвитеръ по порученію епископа совершалъ Евхаристію, то не было препятствій, чтобы на территоріи одной и той же гражданской общины, какой была «*πόλις*», всѣ Евхаристическія собранія оказались также ему подчиненными. То, что способствовало въ первую очередь образованію городского церковнаго округа, т. е. понятіе «*πόλις*», заключало въ себѣ и причину его уничтоженія: такъ трудно было преодолѣть соблазнъ не разсматривать весь городской округъ, какъ единую церковь, подчиненную епископу.

III.

1. Въ константиновскую эпоху начинается процессъ постепеннаго уничтоженія городского епископскаго округа. Въ нашемъ распоряженіи имѣется достаточно объективныхъ данныхъ, которыя позволяютъ

воспроизвести основные моменты этого процесса. Въ то же самое время данныя, которыя рисуютъ намъ этотъ процессъ, являющійся косвеннымъ доказательствомъ существованія такого округа въ доконстантиновскій періодъ, т. к. процессу уничтоженія можетъ подвергаться только то, что фактически существуетъ, а не то, чего вообще нѣтъ. Главный матеріалъ, обрисовывающій этотъ процессъ, мы находимъ въ каноническихъ постановленіяхъ соборовъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности продѣлать подробный анализъ этихъ постановленій, т. к. такой анализъ взялъ бы очень много мѣста и крайне увеличилъ объемъ моего изслѣдованія, особенно потому, что большинство этихъ постановленій являются исключительно трудными для толкованія. Я принужденъ ограничиться только анализомъ главныхъ постановленій, оставляя въ сторонѣ менѣе важныя. Естественно отъ этого пострадаетъ убѣдительность самого моего изложенія въ виду невозможности полностью воспроизвести исторію исчезновенія городского округа.

2. Процессъ уничтоженія епископскаго городского округа не происходилъ по заранѣ составленному плану. Онъ шелъ маленькими ручейками, возникающими въ разныхъ мѣстахъ Востока, которые слились затѣмъ въ одно большое теченіе, приведшее къ исчезновенію городского округа.

Самое раннее каноническое постановленіе, которое дошло до насъ, относительно положенія хореепископа въ городскомъ епископскомъ округѣ, принадлежитъ Анкирскому собору, первому восточному собору, собравшемуся послѣ Константиновскаго эдикта. Необходимо сдѣлать одно предварительное замѣчаніе, а именно: первый соборъ въ условіяхъ міра нашель нужнымъ издать, помимо постановленій относительно приѣма падшихъ, правило относительно городского церковнаго округа. Нельзя думать, что соборъ констатировалъ въ этомъ округѣ больше недостатковъ, чѣмъ въ митрополичьемъ, который, когда сформировался, не меньше нуждался въ правилахъ, регулирующихъ взаимоотношенія епископовъ внутри его. Анкирскій соборъ обратилъ вниманіе на городской округъ, т. к. онъ въ его время уже вполне сформировался. Къ сожалѣнію, значеніе для насъ этого постановленія отчасти обезцѣнено крайней трудностью его истолкованія. Эта трудность почти исключительно обусловлена различіемъ редакцій, въ которыхъ дошло до насъ постановленіе. Въ настоящее время возстановить подлинный текстъ правила невозможно, а приходится выбирать ту или иную редакцію, либо довольно искусственно ихъ комбинировать. Оставляя въ сторонѣ работу надъ самимъ текстомъ, обратимся къ его содержанию. Въ 13-мъ правилѣ этого собора говорится о хореепископахъ, причѣмъ за ними, какъ и за другими епископами, признается право поставленія, но это право въ извѣстной степени урѣзывается. Вопросъ, который насъ здѣсь интересуетъ, заключается въ томъ, въ какой мѣрѣ это право подвергается ограниченіямъ. «Не дозволено хореепископамъ рукополагать пресвитеровъ или діаконовъ, а тѣмъ болѣе пресвитеровъ городовъ (или пресвитерамъ городовъ) безъ письменнаго разрѣшенія епископа въ каждой (или другой) парикіи (ἐν ἑκάστη παροικίᾳ или ἐν ἑτέρᾳ παροικίᾳ)»⁽¹³⁾. Хореепископамъ запрещается рукополагать пресвитеровъ и діаконовъ безъ разрѣшенія епископа. Это

является несомненнымъ. Вопросъ, который подлежитъ рѣшенію, заключается въ томъ, гдѣ запрещено хореепископамъ совершать рукоположенія и безъ разрѣшенія какого епископа. Отвѣтъ на эти вопросы зависитъ отъ того, какое мы примемъ чтеніе: «ἐν ἑκάστη παροίχια» или «ἐν ἑτέρᾳ παροίχια», а выборъ послѣдняго въ значительной степени обуславливается содержаніемъ термина «παροίχια». При попыткѣ опредѣлить содержаніе этого термина, мы сразу же наталкиваемся на трудность точнаго его опредѣленія, что зависитъ отъ нѣкоторой неустойчивости самого содержанія. Терминъ «παροίχια» сравнительно часто встрѣчается въ соборныхъ постановленіяхъ, а потому наиболее правильный путь заключается въ томъ, чтобы опредѣлить его содержаніе на основаніи этихъ постановленій. Анализъ этихъ правилъ, который я не имѣю возможности здѣсь предложить, привелъ меня къ слѣдующему результату. Въ своемъ основномъ значеніи «парикія» обозначала городскую церковь (въ тѣсномъ смыслѣ) епископа, стоящаго во главѣ всего городского округа (14). Это христіанскій градъ въ противоположность языческой «πόλις». Для обозначенія всего городского церковнаго округа въ каноническихъ постановленіяхъ прибавлялось указаніе на мѣстность, зависящую отъ парикіи: «творити же каждому (т. е. епископу) только то, что касается до его парикіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ (τῆ αὐτοῦ παροίχια καὶ ταῖς ὑπ' αὐτὴν χώραις)» (15). Въ такомъ значеніи «парикія», какъ церковно-административный терминъ, выражала опредѣленную стадію церковнаго устройства. Съ измѣненіемъ его «парикія» стала обозначать сельскую церковь, находящуюся на территоріи городского епископа и отъ него всецѣло зависящую. Такой области епископа въ эпоху Анкирскаго собора еще не существовало.

Сейчасъ мы въ состояніи дать первый отвѣтъ на поставленный нами вопросъ: хореепископъ не можетъ совершать рукоположеній безъ согласія епископа городской церкви. Однако, это запрещеніе можетъ имѣть либо общій характеръ, либо чисто спеціальный. При общемъ характерѣ запрещенія, что соотвѣтствуетъ чтенію «ἐν ἑτέρᾳ παροίχια», хореепископамъ запрещается рукополагать пресвитеровъ и діаконовъ внѣ предѣловъ своей церкви безъ разрѣшенія подлежащаго епископа. Такого рода пониманіе запрещенія допустимо, но оно наталкивается на рядъ грамматическихъ и логическихъ трудностей. Во всякомъ случаѣ, оно ничего не даетъ по вопросу о городскомъ округѣ епископа. При спеціальномъ характерѣ запрещенія которое находится въ нашемъ правилѣ, оно означаетъ, что хореепископъ не можетъ совершать рукоположеній пресвитеровъ и діаконовъ для свей церкви, а тѣмъ болѣе въ городской церкви безъ согласія епископа города, который возглавляетъ городской церковный округъ. Его епископскія права признаются соборомъ, но дисциплинарно ограничиваются, а это ограниченіе его правъ является въ то же время ограниченіемъ самостоятельности и независимости сельской церкви въ пользу городского епископа. Она уже не обладаетъ въ себѣ самой всѣмъ, что ей нужно для ея жизни, и она уже не вполне независима, т. к. отъ воли городского епископа зависитъ, будутъ или нѣтъ въ ней совершаться поставленія въ пресвитеры и діаконы. Постановленіе Анкирскаго собора является первымъ шагомъ къ

переходу городского церковного округа въ епископскую область. Первенствующій епископъ городского округа впервые канонически фиксируетъ свою власть **внутри** самой сельской церкви. Рецепція городскимъ епископомъ поставленій, совершаемыхъ сельскимъ епископомъ, обратилась въ право городского епископа разрѣшать поставленія.

3. Постановленія Антиохійскаго собора 341-го года относительно городского епископскаго округа имѣютъ очень большое значеніе въ виду ясности и опредѣленности его постановленій. Прежде всего, необходимо обратиться къ 9-му правилу этого собора, въ которомъ регулируются взаимоотношенія епископовъ и митрополита въ предѣлахъ митрополичьаго округа. Соборъ признаетъ за митрополитомъ право попеченія относительно всего округа: «Въ каждой епархіи епископамъ должно вѣдати епископа, въ митрополіи начальствующаго, и имѣющаго попеченіе (τὴν φροντίδα) о всей епархіи, т. к. въ митрополію отовсюду стекаются всѣ, имѣющіе дѣла» (16). Одновременно съ этимъ соборъ указываетъ, что митрополитъ имѣетъ первенство, а потому епископы безъ него не должны ничего дѣлать, что выходитъ за предѣлы ихъ городского округа (παροικία καὶ ταῖς ὑπ' αὐτὴν χώρας). Съ другой стороны и митрополитъ не долженъ ничего дѣлать безъ согласія своихъ епархіотовъ, что касается всей епархіи. Каждый епископъ имѣетъ власть (ἐξουσίαν ἔχειν) управлять своей парикіей, а также имѣть попеченіе (πρόνοιαν ποιεῖσθαι) о странѣ, стоящей въ зависимости отъ его города. Здѣсь на лицо всѣ элементы церковнаго городского округа: епископскій городъ съ прилегающими къ нему пригородами, надъ которыми онъ имѣетъ власть, т. е. его парикія, и страна (χώρα), въ которой имѣются сельскія церкви, о которыхъ онъ заботится. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выступаетъ аналогія, правда неполная, городского епископскаго округа съ митрополичьимъ округомъ. И въ него входитъ парикія митрополита, надъ которой онъ имѣетъ власть, и парикія епископовъ, о которыхъ онъ имѣетъ попеченіе.

Однако, на этомъ аналогія заканчивается, т. к. положеніе митрополита среди епархіотовъ совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе городского епископа среди сельскихъ епископовъ. «Святой соборъ за благо рассуждалъ, чтобы состоящіе въ малыхъ градахъ или въ селахъ (ἐν ταῖς χώραις ἢ ταῖς χώραις) предстоятели, или такъ называемые хорепископы, знали свою мѣру, хотя они по чину пріяли рукоположеніе (17): чтобы они управляли только подчиненными имъ церквами (ἐκκλησίαις), и ограничивали ими свое попеченіе и распоряженіе: чтобы они поставляли чтецовъ, иподіаконовъ и заклинателей, и довольствовались производствомъ только въ сіи чины, а поставлятъ пресвитера или діакона не дерзали бы безъ (воли) сущаго во градѣ епископа, которому подчиненъ хорепископъ и страна. Аще же кто дерзнетъ преступити сіе опредѣленіе: то да лишится и той чести, которую имѣетъ. Хорепископъ же поставляется (γίνεσθαι) отъ епископа града, которому подчиненъ его округъ» (18). Хорепископъ, какъ и городской епископъ, управляетъ своей церковью (19), но въ отличіе отъ городского епископа о немъ не сказано, что онъ имѣетъ власть. Изъ сравненія 9-го и 10-го правилъ слѣдуетъ, что власть, которая принадлежитъ городскому епископу, выражается въ правѣ самостоятельнаго поставленія всѣхъ членовъ клира,

начиная отъ пресвитера. Именно этого права лишень хорепископъ и въ этомъ выражается та мѣра, которую онъ долженъ знать. Рукоположенія пресвитеровъ и діаконовъ могутъ производиться имъ только съ согласія городского епископа, которому хорепископъ подчиненъ⁽²⁰⁾. Этотъ моментъ подчиненія совершенно отсутствуетъ во взаимоотношеніяхъ, которыя устанавливаетъ Антиохійскій соборъ, между митрополитами и его епископами. Они основаны на полномъ ихъ равенствѣ, а этого равенства нѣтъ между хорепископомъ и городскимъ епископомъ. Хорепископу подчинена его церковь, но въ свою очередь самъ хорепископъ подчиненъ городскому епископу. Городской епископъ является независимымъ и самостоятельнымъ въ предѣлахъ своей парикіи, а хорепископъ не имѣетъ ни этой независимости, ни этой самостоятельности.

Въ правилѣ ничего не говорится, какъ рѣшаются дѣла, касающіяся всего городского округа. Изъ этого умолчанія, повидимому, слѣдуетъ, что соборъ имѣлъ въ виду ограничить дѣятельность хорепископовъ всецѣло предѣлами ихъ церквей и исключить ихъ отъ участія въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся всего округа, предоставивъ послѣднее городскому епископу. Если это такъ, то въ этомъ находитъ другое выраженіе та мѣра, которую должны знать хорепископы. Наконецъ, третіе: поставленіе городскихъ епископовъ регулируется Антиохійскимъ соборомъ въ особомъ правилѣ (19-мъ), согласно которому поставленіе городского епископа совершается соборомъ съ участіемъ митрополита и, если возможно, всѣхъ остальныхъ епископовъ. Оно считается дѣйствительнымъ, если большинство епископовъ, въ томъ числѣ обязательно митрополитъ, дадутъ свое согласіе. Ничего похожего мы не находимъ относительно поставленія хорепископовъ. Въ 10-мъ правилѣ говорится, что хорепископъ поставляется (ὑψεσθαι) отъ епископа города. Это выраженіе показываетъ, что рѣчь идетъ не только о священнодѣйствіи хиротоніи, которое долженъ совершить городской епископъ, но о всемъ актѣ поставленія. Это означаетъ, что соборъ отдалъ поставленіе хорепископовъ всецѣло въ руки городского епископа, исключивъ, повидимому, остальныхъ сельскихъ епископовъ. Поэтому городской епископъ при поставленіи хорепископовъ могъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, т. к. городской пресвитеріумъ не принималъ въ этомъ участія. Усиленіе и расширеніе власти городского епископа не сопровождалось усиленіемъ значенія пресвитеріума, т. к. его роль ограничивалась только непосредственными предѣлами городской церкви.

Такимъ образомъ, изъ двухъ церковныхъ округовъ, о которыхъ говорится въ правилахъ Антиохійскаго собора, епископскій городской округъ выступаетъ урѣзаннымъ по сравненію съ митрополичьимъ. Идея подчиненія городскому епископу сельскихъ церквей, отмѣченная впервые Анкирскимъ соборомъ, нашла свое болѣе полное выраженіе въ постановленіяхъ Антиохійскаго собора.

4. Урѣзываніе епископскихъ правъ хорепископовъ происходило въ силу эмпирическихъ факторовъ. Въ правилахъ Антиохійскаго собора имѣется указаніе на одинъ изъ этихъ факторовъ: хорепископъ подчиненъ городскому епископу, т. к. сельская мѣстность, на которой находится его церковь, подчинена городу епископа. Дѣйствіе эмпирическихъ

факторовъ на церковную жизнь до известной степени является естественнымъ и законнымъ: это есть та дань, которую платитъ Церковь за свое пребываніе въ эмпирической жизни. Оно законно и естественно, пока въ церковномъ сознаниі эмпирической факторъ сохраняетъ свой эмпирической характеръ, т. е. когда церковное сознание воспринимаетъ его, какъ нѣчто временное и прехолящее, но оно становится незаконнымъ и недолжнымъ, когда церковное сознание его догматизируетъ, включая его тѣмъ самымъ въ самую природу Церкви. Догматизированіе эмпирическихъ факторовъ есть догматизированіе несовершеннаго въ церковной жизни и пріятіе въ качествѣ нормы того, чего въ Церкви по существу не должно было бы быть. Дѣйствіе догматизированныхъ эмпирическихъ факторовъ во много разъ болѣе разрушительно для церковной жизни, чѣмъ дѣйствіе эмпирическихъ факторовъ, какъ таковыхъ.

Гражданско-административное устройство Римской имперіи до нѣкоторой степени предопредѣлило доминирующее положеніе городского епископа въ средѣ сельскихъ епископовъ. Когда это стало общепринятымъ фактомъ церковной жизни, не вызывающимъ возраженій даже со стороны самихъ сельскихъ епископовъ, церковное сознание начинаетъ пробовать придать ему догматическое обоснованіе съ цѣлью окончательно закрѣпить его въ церковной жизни. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Анкирскаго собора Неокесарійскій соборъ вновь занялся сельскими церквами, оставивъ два постановленія, которыя составляютъ одно цѣлое. Это — 13-е и 14-е правила этого собора. Я принужденъ отказаться отъ какого бы то ни было анализа этихъ постановленій и всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые эти правила ставятъ, и долженъ ограничиться только указаніемъ, что соборъ призналъ хорепископовъ, какъ сослужителей городского епископа, но въ то же самое время провозгласилъ, что они не равны городскимъ епископамъ, т. к. поставлены въ образъ семидесяти учениковъ Христа, тогда какъ епископы — такова была мысль отцовъ собора — въ образъ 12-ти апостоловъ. Когда богословское основаніе было найдено, то оставалось сдѣлать только соотвѣтственный выводъ: хорепископъ по существу своего служенія является епископомъ второго ранга. Эта богословская доктрина, появившаяся, какъ результатъ догматизированія фактическаго положенія хорепископа, оказалась неприемлемой для церковнаго сознанія, которое твердо держалось ученія объ единомъ служеніи епископа, какъ первой и высшей степени священства.

5. Другая стадія процесса, направленная къ разрушенію городского епископскаго округа, состояла въ прямомъ запрещеніи ставить хорепископовъ въ сельскія церкви. Толчокъ къ этому былъ данъ съ Запада. Въ серединѣ IV-го вѣка на Западѣ христіанизация сельской мѣстности была не столько задачей настоящаго, сколько будущаго, которая требовала нѣкоторой опредѣленной программы организациі церковной жизни въ сельской мѣстности. Въ это время на Востокъ приходилъ, какъ мы видѣли, процессъ разрушенія самостоятельности и независимости сельскихъ церквей. Трудно предположить, что на Западѣ организациа сельской мѣстности началась бы съ фазы, которая преодо-

лѣвалась на Востокѣ, а именно поставленія въ сельскія церкви епископовъ. Съ другой стороны, если принять во вниманіе, что къ этому времени въ большихъ городахъ почти всюду существовало нѣсколько собраний, въ которыхъ пресвитеры совершали по порученію епископа Евхаристію, то станетъ ясно, что Западъ долженъ былъ начать организцію сельскихъ мѣстностей съ той фазы, къ которой Востокъ стремился: непосредственнаго подчиненія сельскихъ церквей городскому епископу.

Сардикійскій соборъ (343-344) по предложенію Осіи вынесъ постановленіе, предписывающее назначать въ мѣстечки и въ малые города пресвитера, а не епископа⁽²¹⁾. Это была программа будущей организціи церковной жизни на Западѣ, которая вводила принципы, неизвѣстные или мало извѣстные на Востокѣ. Постановленіе Сардикійскаго собора не имѣло въ виду уничтожить хореепископовъ, т. к. таковыхъ не было въ это время на Западѣ, а еще меньше имѣло въ виду уничтожить епископскія кафедры въ малыхъ городахъ, которыя въ это время уже существовали. Запрещеніе поставлять епископовъ въ малые города являлось отступленіемъ отъ установленнаго на Востокѣ принципа соотвѣтствія гражданскаго и церковнаго устройства и было поэтому непріемлемо для того времени на Востокѣ. Эта часть предложенія Осіи объясняется тѣмъ, что Осія, какъ западный епископъ, имѣлъ въ виду особенности западной жизни, гдѣ городъ не имѣлъ такого значенія, какъ на Востокѣ, особенно въ варварскихъ странахъ, гдѣ самого принципа городского устройства не существовало. Что касается предписанія о непоставленіи епископовъ въ мѣстечки, то Востокъ при существующей въ немъ тенденціи къ умаленію сельскихъ церквей могъ воспринять его для себя, какъ программу устройства будущихъ сельскихъ церквей и отчасти даже, какъ основаніе для еще большаго урѣзванія ихъ самостоятельности.

Осія, вѣроятно, не зналъ постановленій Неокесарійскаго собора, а потому привелъ въ качествѣ основанія своего предложенія не богословскую доктрину Неокесарійскаго собора, а свои собственныя соображенія, которыя заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться. Осія считалъ, что поставленіе епископовъ въ мѣстечки и въ малые города привело бы къ уничтоженію (точнѣе продешевленію) имени и достоинства (*ὄνομα καὶ ἡ ἀθροετία*) епископа. Здѣсь на лицо смѣшеніе церковныхъ и эмпирическихъ причинъ. Осія, вѣроятно, зналъ о положеніи сельскихъ епископовъ на Востокѣ, а потому для него было ясно, что при поставленіи епископовъ въ село или въ мѣстечко, они бы потеряли свою самостоятельную власть (*ἀθροετία*) въ пользу ближайшаго городского епископа. Это было бы уничтоженіемъ епископскаго служенія и противорѣчило бы самой природѣ этого служенія. Одновременно это было бы и уничтоженіемъ достоинства епископа, т. к. оно поставило бы его въ положеніе, равное невысокому римскому чиновнику, тогда какъ со времени Миланскаго эдикта епископъ становится высокимъ сановникомъ. Уничтоженіе имени и достоинства епископа противорѣчило бы политикѣ, проводимой Осіей, какъ совѣтникомъ Константина по церковнымъ дѣламъ. Въ силу этихъ основаній положеніе дол-

женъ былъ спасти пресвитеръ, который по характеру своего служенія, какъ оно сложилось къ этому времени, не имѣлъ ни достоинства, ни самостоятельной власти, а находился подъ властью епископа. Если для отцовъ Сардикійскаго собора, которые приняли предложеніе Осіи, оно могло не показаться особенно новымъ, то по своему существу оно было закрѣпленіемъ огромной перемѣны, происшедшей въ церковномъ сознаниі. Признаніе возможности назначенія пресвитера въ качествѣ предстоятеля было соборнымъ признаніемъ ученія, что границы церкви опредѣляются властью епископа. Евхаристическое собраніе сельской церкви невозможно было считать пространственнымъ продолженіемъ епископскаго городского собранія, какъ это было въ городахъ, гдѣ существовали уже дополнительные литургическіе центры. Оно по своему происхожденію было отдѣльнымъ и самостоятельнымъ. Поэтому назначеніе пресвитера въ качествѣ предстоятеля сельскаго Евхаристическаго собранія было явнымъ признаніемъ власти городского епископа не только надъ пресвитерами, но и надъ самимъ Евхаристическимъ собраніемъ. Раньше «имя и власть» епископа проистекало изъ Евхаристическаго собранія, а потому уничтоженіе «имени и власти» епископа означало бы уничтоженіе самого Евхаристическаго собранія. Заботиться о первомъ и пренебречь вторымъ, это забыть, что въ Евхаристическомъ собраніи присутствуетъ Христосъ во всей полнотѣ своего Тѣла. Гдѣ существуетъ Евхаристическое собраніе, тамъ не можетъ быть рѣчи объ уничтоженіи епископа, т. к. тамъ, гдѣ не уничтожается Христосъ, тамъ не можетъ уничтожаться имя и власть епископа. Подчиненное епископу Евхаристическое собраніе перестало быть выраженіемъ жизни Церкви, а потому оно перестало окончательно опредѣлять границы церкви. Исторія церкви получила опредѣленное направленіе, отдѣлившее ее отъ прежней эпохи. Значеніе епископа продолжаетъ съ этого времени расти въ его достоинствѣ и самостоятельной власти одновременно съ умаленіемъ значенія Евхаристическаго собранія, какъ основного принципа церковнаго устройства. Церковная власть перестаетъ заботиться объ «имени и власти» Евхаристическаго собранія, назначая въ качествѣ его предстоятеля пресвитера, влачившаго въ Византіи жалкое существованіе. Вальсамонъ, въ толкованіи 6-го правила Сардикійскаго собора, писалъ: «Такъ какъ въ томъ случаѣ, когда избираемы были смиренные епископы въ какіе-нибудь бѣдные приходы, гдѣ часто и не было епископовъ, и какъ они ходили пѣшкомъ и въ другихъ отношеніяхъ были въ пренебреженіи, оскорблялся архіерейскій санъ: то отцы опредѣлили не поставять епископа въ село, или мѣстечко, или въ малый городъ, гдѣ достаточно и одного священника»⁽²²⁾. Дѣло не въ томъ, что Вальсамонъ забылъ евангельскую исторію, а въ томъ, что вопреки предположенію отцовъ собора принципъ «имени и власти» епископа привелъ къ дѣйствительному уничтоженію достоинства епископа: клирикъ, назначаемый для услугъ при вселенскомъ патріархѣ сумѣлъ занять мѣсто выше митрополитовъ.

6. Вскорѣ Сардикійскій соборъ нашелъ свое отраженіе на Востокѣ. Лаодикійскій соборъ (между 343 и 381 г.) выступилъ съ постановленіемъ въ категорической формѣ относительно хорепископовъ. «Не подобаетъ въ малыхъ градахъ (точнѣе, мѣстечкахъ) и селахъ постав-

лять епископовъ, но періодевтовъ: а поставленнымъ уже прежде ничего не творити безъ воли епископа града. Такожде и пресвитерамъ ничего не творити безъ воли епископа»⁽²³⁾. Опредѣляя для Запада программу устройства будущихъ сельскихъ церквей, Сардикійскій соборъ оставилъ нерѣшеннымъ для Востока вопросъ о положеніи существовавшихъ сельскихъ церквей. Буквальное примѣненіе постановленія Лаодикійскаго собора на Востокъ вызвало бы къ жизни двойную организацію сельскихъ церквей: въ однихъ оказались бы хорепископы, а въ другихъ періодевты⁽²⁴⁾. Неудобство двойной организаціи ясно само по себѣ. Что имѣлъ въ виду установить соборъ своимъ постановленіемъ? Если юнъ имѣлъ въ виду вновь открываемые приходы, то онъ долженъ былъ бы предписать, какъ это и сдѣлалъ Сардикійскій соборъ, назначать въ нихъ пресвитеровъ, т. к. назначеніе періодевтовъ вызываетъ крайнее недоумѣніе. Если допустить, что соборъ предполагалъ возложить на юдногo и того же періодевта литургическое обслуживание нѣсколькихъ сельскихъ церквей, то это противорѣчило бы всему укладу церковной жизни того времени. Если же считать, что Лаодикійскій соборъ регулировалъ положеніе существующихъ сельскихъ церквей, то назначеніе въ нихъ періодевтовъ станетъ вполнѣ ясно. Въ каждой сельской церкви, гдѣ имѣлся хорепископъ, былъ, если не пресвитеріумъ, то по крайней мѣрѣ одинъ или два пресвитера, а потому, оставляя незамѣщенной кафедру сельскаго епископа, назначать туда какихъ-либо пресвитеровъ не было никакой необходимости. Однако, мѣсто хорепископа не могло остаться незаполненнымъ. Въ противоположность городскимъ вспомогательнымъ центрамъ, которые по своему происхожденію не были самостоятельными, сельская церковь, имѣвшая своего хорепископа, была самостоятельной и имѣла свое собственное управленіе, независимое отъ городской церкви. Передать функции хорепископа пресвитеру означало бы сдѣлать его почти такимъ же самостоятельнымъ, какъ и былъ самъ хорепископъ, а тѣмъ самымъ не достигнуть поставленной задачи подчинить сельскія церкви непосредственно епископу. На свободное мѣсто хорепископа соборъ предписалъ назначать періодевтовъ, которые находились въ распоряженіи епископовъ и которые могли управлять сельскими церквами въ качествѣ ихъ уполномоченныхъ. При этомъ положеніи литургическія функции продолжали бы лежать на существовавшихъ сельскихъ пресвитерахъ. Мы знаемъ даже изъ болѣе поздняго времени, что въ Константинополѣ въ церкви, зависящія отъ св. Софіи, назначались въ качествѣ «настоятелей» (по нашей терминологіи) епископскіе чиновники въ діакономъ санѣ. Такъ Вальсамонъ былъ одно время «*πρότος τῶν βλαχέρων*». Такими настоятелями могли оказаться періодевты, причемъ не одной, а нѣсколькихъ церквей, а одновременно съ этимъ и епископскими чиновниками по надзору за сельскими церквами.

Согласно съ этимъ устанавливаемымъ порядкомъ во вновь открываемыя сельскія церкви епископъ долженъ былъ назначать пресвитеровъ, но подчинить ихъ, какъ и существующія церкви, надзору періодевтовъ. Съ другой стороны существующіе въ эпоху Лаодикійскаго собора хорепископы были совершенно подчинены епископу города на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и періодевты: они, согласно 57-му правилу

Лаодикійскаго собора не должны ничего дѣлать безъ воли епископа, подобно тому, какъ и пресвитеры. Въ силу этого самъ хорепископъ, пока онъ еще имѣлся, становился какъ бы періодевромъ въ епископскомъ званіи. Въ такомъ своемъ званіи онъ легко могъ обратиться въ суфрагана или викарія городского епископа. Это дѣйствительно имѣло мѣсто, но не въ православныхъ, а въ гетеродоксныхъ церквахъ. Соборъ въ Селевкіи 410 г. распорядился оставить только по одному хорепископу у каждаго епископа. Несомнѣнно, что эти хорепископы не были и не могли быть сельскими епископами, а были помощниками городского епископа.

7. Въ первой половинѣ V-го вѣка происходитъ послѣдній актъ въ исторіи городского округа, закончившійся его полнымъ уничтоженіемъ, если не во всѣхъ, то въ огромномъ большинствѣ провинцій. На Неокесарійскомъ соборѣ хорепископы участвовали въ качествѣ его полноправныхъ членовъ отъ имени своихъ церквей. Въ томъ же достоинствѣ мы ихъ находимъ на Никейскомъ соборѣ. Они принимали участіе на Ефесскомъ соборѣ 431-го года и на Халкидонскомъ соборѣ 451-го года. На этомъ послѣднемъ они участвовали не сами по себѣ, а въ качествѣ представителей своихъ городскихъ епископовъ. Это послѣднее обстоятельство служить безспорнымъ доказательствомъ прекращенія существованія городского округа. Сельскія церкви, возглавляемыя хорепископами, потеряли свою самостоятельность и подпали подъ власть городского епископа, подобно тому, какъ находились подъ властью епископа отдѣльныя Евхаристическія собранія въ предѣлахъ города. Единственнымъ полномочнымъ представителемъ на соборѣ всей городской области, въ которой оказалась только одна самостоятельная церковь, могъ быть только городской епископъ. Онъ могъ въ случаѣ нужды послать на соборъ въ качествѣ своего представителя пресвитера, діакона или чтеца, но онъ могъ съ тѣмъ же правомъ послать и своего хорепископа, какъ лицо, продолжающее еще сохранять достоинство епископа. Постановленіе Лаодикійскаго собора нашло свое воплощеніе въ жизни, но только въ одной его части, въ которой говорится, что хорепископы, какъ и пресвитеры, ничего не должны дѣлать безъ воли городского епископа, но сами хорепископы вопреки постановленію собора пережили городской округъ. Если бы городскіе епископы буквально слѣдовали предписанію Лаодикійскаго собора, то въ сельскихъ церквахъ ко времени Халкидонскаго собора не должно было остаться ни одного хорепископа. Если даже принять наиболѣе позднюю дату Лаодикійскаго собора (381 г.), то за семьдесятъ лѣтъ никто изъ существовавшихъ во время Лаодикійскаго собора хорепископовъ не могъ быть въ живыхъ.

Въ постановленіяхъ Халкидонскаго собора уже нѣтъ намека на существованіе городского епископскаго округа. Онъ только знаетъ отдѣльныя церкви, какъ особые литургическіе центры, имѣющіе свои литургическія собранія, которыя находятся подъ властью городского епископа. Это слѣдуетъ изъ знаменитаго 6-го правила этого собора. Городская и сельская церковь, мученичскій храмъ и монастырь — таковы литургическіе центры, находящіеся на территоріи городского епи-

скопа. Всѣ они въ одинаковой мѣрѣ подчинены городскому епископу, который долженъ поставлять въ нихъ клириковъ. Въ сельскую церковь епископъ поставляетъ всѣхъ клириковъ, а не даетъ согласіе, какъ было раньше.

Кромѣ упоминанія о сельскихъ церквахъ въ 6-мъ правилѣ, о нихъ говорится въ 17-мъ правилѣ того же собора: «По каждой епархіи, въ селахъ или преградіяхъ, сущіе приходы (τὰς καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν ἀγροικίας παροικίας ἢ ἐγχωρίους), должны неизмѣнно пребывать подъ властью завѣдующихъ оными епископовъ: наипаче аще въ продолженіи тридесяти лѣтъ безспорно имѣли оныя въ своемъ вѣдѣніи и въ управленіи (διακατέχοντες φρονόμησαν)...». Это правило еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ 6-е правило, свидѣтельствуетъ о полномъ прекращеніи городскаго округа. Соборъ рассматриваетъ сельскія церкви, какъ находящіяся во владѣніи городскихъ епископовъ (διακατέχοντες), которыми они управляютъ, какъ собственнымъ имуществомъ. Сельскія церкви — собственность епископа, которыми онъ полновластно распоряжается, подобно тому, какъ по ктиторскому праву, ктиторы распоряжаются своими церквами. Кромѣ употребленія юридическаго термина, обращаетъ на себя вниманіе и употребленіе церковныхъ терминовъ. Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ совершенно яснымъ отклоненіемъ отъ принятой терминологіи, по которой городская церковь съ прилегающими къ ней предмѣстіями именовалась «παροικία», а городской округъ: «παροικία καὶ τὰς ὑπ' αὐτὴν χώρας». Въ терминологіи Халкидонскаго собора прежній округъ именуется «ἐκκλησία». Это наименованіе очень показательно: все, что раньше было округомъ, состоящимъ изъ городской и сельскихъ церквей, становится церковью, какъ единымъ цѣлымъ, которымъ раньше была только городская церковь въ собственномъ смыслѣ, имѣющая единое Евхаристическое собраніе, или сельская церковь, самостоятельная или независимая, обладающая также своимъ Евхаристическимъ собраніемъ. Въ новой терминологіи основнымъ принципомъ «ἐκκλησία» не является больше Евхаристическое собраніе, а епископъ, а потому все, что находится подъ властью епископа, составляетъ «ἐκκλησία». Съ другой стороны, сельскія церкви, входящія въ составъ единой епископской церкви, получаютъ наименованіе «παροικίαι», какъ непосредственно состоящія около городской церкви и неимѣющія административнаго значенія. Эта терминологія зафиксировала существующее въ эпоху Халкидонскаго собора положеніе: внутри городской церкви епископа, или по нашей терминологіи епархіи, имѣются городская или городскія церкви, и сельскія церкви, которыя уже равнялись приблизительно нашимъ сельскимъ приходамъ.

Въ 17-мъ правилѣ ничего не говорится о томъ, кто стоитъ во главѣ сельскихъ церквей — хореепископъ или пресвитеръ, но это уже не имѣло никакого значенія въ эпоху Халкидонскаго собора. Если во главѣ ихъ продолжалъ стоять хореепископъ, то онъ былъ подчиненъ епископу города, какъ и пресвитеръ, а потому въ одномъ и другомъ случаѣ сельская церковь — собственность епископа.

8. Послѣ Халкидонскаго собора мы находимъ еще разъ упоминаніе о хореепископахъ въ правилахъ II-го Никейскаго собора. Согласно

14-му правилу этого собора въ VIII-мъ вѣкѣ отъ архіерейскаго дѣйствования хорепископовъ осталось только поставленіе чтецовъ съ разрѣшенія надлежащаго епископа. Соборъ указываетъ въ своемъ правилѣ, что это дозволяется хорепископамъ «по древнему обычаю». Вполнѣ допустимо, что соборъ имѣлъ въ виду дѣйствительно обычай, но не очень древній, а возникшій въ періодъ между второй половиной V-го вѣка и второй половиной VIII-го вѣка. Послѣ Халкидонскаго собора хорепископъ, вѣроятно, быстро началъ терять то, что оставалось у него отъ архіерейскаго дѣйствования: его права поставленія (въ смыслѣ духовной способности совершать литургическіе акты) постепенно урѣзывались и задержались на послѣдней грани — поставленія въ послѣднюю степень клира. Сохраненіе за хорепископомъ права поставленія чтецовъ, если даже ихъ отличало отъ пресвитеровъ, то очень незначительно, т. к. въ томъ же правилѣ право поставленія чтецовъ усваивается игуменамъ монастырей.

Послѣ VIII-го вѣка хорепископы не упоминаются въ каноническихъ правилахъ. Если Вальсамонъ утверждалъ, что они давно уже прекратили свое существованіе, то надо полагать, что это произошло дѣйствительно задолго до него. Въ несторіанской церкви они держались нѣсколько дольше, но и въ ней они постепенно теряли всѣ свои епископскія права. Эта потеря была настолько радикальной, что при поставленіи хорепископовъ въ епископы надъ ними совершалась полная архіерейская хиротонія. Въ XIII-мъ вѣкѣ упоминаніе о нихъ прекращается.

Во второй половинѣ IV-го вѣка институту хорепископовъ былъ подписанъ смертный приговоръ, но нужно было, чтобы прошли долгія столѣтія, чтобы этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Эта живучесть института хорепископовъ свидѣтельствуетъ, какъ трудно искоренить изъ церковной жизни то, что возникло изъ самой природы Церкви и что оказалось излишнимъ въ церковномъ процессѣ подъ влияніемъ эмпирическихъ факторовъ.

9. Такова исторія городского епископскаго округа, который оказался только эпизодомъ въ исторіи образованія церковныхъ округовъ. Мы не знаемъ, какъ бы пошла исторія церкви, если бы онъ сохранился, но, конечно, она бы пошла иначе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, удержалось бы въ церковномъ сознаніи евхаристическое ученіе о церкви.

Если бы сохранился городской епископскій округъ, то вмѣстѣ съ нимъ сохранился бы и митрополичій округъ въ своей первоначальной основѣ. Исторія митрополичьяго округа была иной, онъ исторически больше удался, чѣмъ городской округъ, но и онъ фактически исчезъ, оставивъ въ наслѣдіе имя митрополита. Политика городскихъ епископовъ по отношенію къ сельскимъ церквамъ обратилась противъ нихъ самихъ. На томъ же основаніи, на какомъ дѣйствовали городскіе епископы, начали дѣйствовать и митрополиты, а затѣмъ въ гораздо большей степени патріархи. Ученіе о власти епископа надъ епископами, вытекающее изъ ученія о власти епископа надъ Евхаристическимъ собраніемъ, приводитъ къ ученію объ единой власти надъ всей церковью единаго епископа, независимо отъ того, удастся ли это осуществить въ исторіи или нѣтъ. При сохраненіи принципа власти одного епископа

надъ другими, историческая неудача очень плохой аргументъ противъ единой власти одного епископа. Таковы неизбежные результаты уничтоженія того ядра, которое лежало въ основѣ устройства въ церкви церковныхъ округовъ — городского епископскаго округа, неудавшагося въ исторіи.

Прот. Н. Н. Афанасьевъ.

ПРИМЪЧАНІЯ:

1) См. А. Harnack. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. Lpz. 1924.

2) Климентъ Р. Посланіе къ Коринфянамъ, ХЛІ, 4. Терминъ «*χώρα*» употребляется Климентомъ въ смыслѣ страны, а не сельской мѣстности, прилегающей къ городу и отъ него административно зависящей.

3) Арол. I, 67. Ср. Болотовъ. Лекціи по исторіи древней церкви. СПб. 1910, т. II, стр. 463.

4) Eus. h. e. V. XVI. Русск. переводъ, СПб. 1858, стр. 266.

5) Hefele-Leclercq. Histoire des conciles, II, II, p. 1210.

6) Eus. h. e. VII, 30. Русскій переводъ, стр. 412.

7) Сург. epist. LXXI, 4; LXXIII, 3.

8) De unico baptismo, XIII, 22.

9) Сург. epist. LIX, 10.

10) Eus. h. e. VI, 43. Русск. переводъ, стр. 354.

11) Болотовъ. Лекціи по исторіи древней церкви, т. II, стр. 462.

12) Eus. h. e. VIII, I. Русскій переводъ, СПб., 1858 г., стр. 428.

13) 13-е правило Анкирского собора. См. М. Gillmann. Das Institut der Chorbischöfe im Orient. München, 1903.

14) Въ этомъ значеніи «парикія» употребляется Евсевіемъ. Такъ, онъ пишетъ, что Тимофей получилъ въ управленіе парикію Ефеса: «Впрочемъ, и Лука въ Дѣянїяхъ исчисляетъ его (Павла) близкихъ и называетъ ихъ по именамъ, какъ-то: повѣствуетъ, что первый, получившій жребїй епископства надъ церковью ефесскою (τῆς ἐν Ἐφέσῳ παροικίας), былъ Тимофей, а надъ церквами критскими — Титъ». (Eus. h. e. III, IV, 5. Русск. переводъ, стр. 106). Здѣсь «парикія» можетъ означать только городскую (въ тѣсномъ смыслѣ) церковь. Въ другомъ мѣстѣ Евсевій называетъ Феофила епископомъ парикїи Кесарїи, а Нарцисса — епископомъ парикїи Иерусалима. «Посланіе епископовъ, собравшихся тогда подъ предсѣдательствомъ Феофила, епископа Кесарійскаго и Нарцисса Иерусалимскаго (Θεοφίλος τῆς ἐν Καισαρίᾳ παροικίας ἐπίσκοπος καὶ Νάρκισσος τῆς ἐν Ἱερουσαλὺμοῦ)» (Eus. h. e. V, XXIII, 3. Русск. переводъ, стр. 180. См. также VI, II, 2; VII, XXVIII, 1).

15) 34-е Апостольское правило по «Книгѣ правилъ».

16) 9-е правило Антиохійскаго собора.

17) Выраженіе «*Ἐὶ καὶ χειροθεσίαν εἶεν ἐπισκόπων εὐλητότε*» вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно его перевода. «*Ἐὶ καὶ*» съ optativ'омъ можно переводить черезъ «если» или «если даже», но это условное значеніе совершенно не соотвѣтствуетъ контексту всего правила, не говоря о томъ, что намъ совершенно неизвѣстно существованіе хорепископовъ, неимѣющихъ епископской хиротонїи.

18) 10-е правило Антиохійскаго собора по «Книгѣ правилъ».

19) Въ текстѣ стоитъ «*ἐκκλησία*», а не парикія. Послѣдній терминъ употребляется Антиохійскимъ соборомъ примѣнительно только къ городской епископской церкви.

20) Возможно, что правъ Вальсамонъ, который переводитъ «*δίχα τοῦ ἐν τῇ πόλει ἐπισκόπου*» «безъ совершенія имъ священнодѣйствїя, рукоположенія» (Толкованіе 10-го правила Антиохійскаго собора).

21) 6-ое правило Сардикійскаго собора.

22) Вальсамонъ. Толкованіе 6-го правила Сардикійскаго собора.

23) 57-е правило Лаодикійскаго собора по «Книгѣ правилъ». Намъ приходится работать не надъ полнымъ текстомъ правила, а надъ его сокращеніемъ, что, конечно, вызываетъ большія трудности, т. к. полный смыслъ постановленія отъ насъ ускользаетъ.

24) Фигура періодевта до сихъ поръ остается для насъ загадочной. Я счѣтаю наиболѣе вѣроятнымъ, что періодевты были странствующие клирики, болѣею частью пресвитеры, назначаемые епископами для наблюденія за церквами, непосредственно отъ нихъ зависящими. Повидному, первоначально на нихъ лежала обязанность обученія оглашенныхъ и наблюденіе за кающимися.